

№ 9

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ. —
 II. Разсказъ Саши. — III. Весна. (Стих.). Н. О. —
 IV. Маленькій рудокопъ. Нирица.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ
ЛѢТЪ.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ!

ПАСТУПИЛЪ іюнь. Наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ мы ѣдемъ въ Покровское до осени. Небольшое село Покровское, расположенное по берегу Москвы-рѣки, въ то время было окружено дремучимъ лѣсомъ, крестьяне, задвинутые лѣсами, мало походили на подмосковныхъ, они были проще, миролюбивѣе, и какъ-то такъ

сжившись между собой, что когда дѣдъ мой, отецъ Саши, товарища моего дѣтства и юности, перевелъ туда изъ села Васильевского семью крестьянъ, то они никакъ не могли привыкнуть считать ихъ своими покровскими.

Въ Покровскомъ, кромѣ небольшого числа дворовыхъ людей при барскомъ домѣ, жилъ въ маленькой комнатѣ дворовой избы старикъ Кашинцевъ. Онъ много лѣтъ служилъ при братѣ отца Саши—сенаторѣ, и за какую-то ничтожную вину былъ сосланъ на житье въ Покровское. Бѣдный старикъ всю остальную жизнь свою только и мечталъ о томъ, какъ бы увидать своего господина — въ кавалеріи и регалияхъ. За деревенскимъ хозяйствомъ и за порядкомъ во дворѣ наблюдалъ почтенный старикъ изъ крестьянъ—Иванъ Яковлевичъ.

Съ нами привезено было человѣкъ десять прислуги и, на подводахъ, всякой всячины. Въ четырехмѣстной каретѣ ѣхали отецъ и мать Саши, еще не старая, очень добрая женщина, Саша и я; въ коляскѣ — братъ Саши, Жоржъ, старше его на нѣсколько лѣтъ и няня Вѣра Артамоновна; за коляской шла просторная бричка съ четырьмя горничными дѣвушками, тарахтась съ поваромъ Спиридономъ Ѳедоровичемъ и поваренными принадлежностями да подводы верхомъ навьюченныя пожитками.

Село Покровское стояло въ недалекомъ разстояніи отъ барскаго дома. Съ одной стороны дома зеленѣлъ лугъ обнесенный рѣшеткой; съ другой былъ видъ на ветхую церковь и на запруженную рѣчку, на которой съ давнихъ лѣтъ предполагали сдѣлать мельницу, да такъ и не сдѣлали никогда.

Покровскимъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ владѣлъ отецъ Саши вмѣстѣ съ братомъ своимъ сенаторомъ, за которымъ оно и осталось при общемъ раздѣлѣ имѣній.

Домъ былъ большой, новый, только что выстроенъ изъ отборныхъ сосновыхъ бревенъ, ничемъ не обитый ни внутри, ни снаружи. Отъ стѣнъ пахло смолой, во многихъ мѣстахъ она выступала изъ нихъ янтарнымъ потокомъ. Комнаты

были высокія, окна большія, свѣтлыя. Съ обѣихъ сторонъ дома находились обширныя сѣни съ террасами. Передъ террасами, по одну сторону выходило небольшое цвѣтистое поле, за полемъ начинался темный боръ, сквозь который шла просѣка на Звѣнигородъ; по другую сторону тянулась передъ террасой проселочная дорога, черезъ село на Можайку и пропадала во ржи.

По пріѣздѣ нашемъ въ Покровское — все скоро было устроено и размѣщено по принадлежности. Дѣдъ, постоянно всѣмъ недовольный, нездоровый, тотчасъ удалился въ свою спальню и легъ на постель отдохнуть. Мы расположились на террасѣ, со стороны дѣвичьей выходившей къ полю кругомъ — тишина, лѣсъ, поля и никого. Чувство счастья и благочестія наполнило душу — вздохнулось легко, улыбка срывалась съ устъ. Намъ приготовили на террасѣ чай и ужинъ изъ холодной телятины, сыра, сливокъ и только что испеченаго ржанаго хлѣба.

Пріѣхали на закатѣ солнца. Медленно наступали сумерки, — въ комнату идти не хотѣлось, не смотря на то, что пала сильная роса; хотѣлось вдыхать въ себя травянистой-лѣсной запахъ, полный испареній цвѣтовъ, листа, хотѣлось смотрѣть какъ засыпаетъ лѣсъ, какъ гаснутъ огоньки въ селѣ, какъ загораются звѣзды въ небѣ.

Утреннее солнце рано разбудило меня; оно свѣтило прямо въ окно моей комнаты еще ни чемъ не завѣшанное. Я тотчасъ встала, одѣлась и открыла окно. Что за воздухъ! что за небо! цвѣтистое поле сверкало алмазами росы. Все манило въ поле, въ лѣсъ. Накрывшись небольшимъ бѣлымъ кисейнымъ платкомъ, я вышла изъ дома и пробралась по узенькой тропинкѣ, проложенной по полю, къ опушкѣ лѣса; по опушкѣ росло множество молодыхъ деревьевъ и кустарниковъ, перепутанныхъ съ какими-то высокими, малиновыми цвѣтами, крупными лиловыми колокольчиками и желтымъ дрокомъ. Въ этой массѣ разнородной растительности немолкаемо жужжали пчелы, мухи, шмели, гудѣли жуки и

зыблились бабочки. За опушкой шель боръ, полный мрака и величественнаго покоя, деревья въ немъ были такъ велики и такъ часты, что вступивши въ него легко было тотчасъ же заблудиться. Временами въ лѣсу слышался легкій, дубравный шумъ, вблизи дятель долбилъ дерево. Все это въ своемъ разнообразіи было до того хорошо и до того уединенно, что одной становилось какъ-то страшно, я точно исчезала среди этой безграничной, безконечной жизни. Сердце билось до того робко—хоть уйдти домой, и ушла бы, если бы не пришли въ опушку всѣ наши—веселые, довольные. Мы возвратились домой съ полными руками цвѣтовъ и спѣлой земляники набранной, за неимѣніемъ корзинокъ, въ свернутые листья лопуха.

Спустя дня три видимъ мы во дворъ въѣзжаетъ коляска, въ ней сенаторъ, человѣкъ чрезвычайно добрый и всегда въ забавномъ расположеніи духа. Онъ еще издали завидя насъ подавалъ намъ привѣтливые знаки и дѣлалъ смѣшныя гримасы. Небольшой семейный кругъ нашъ оживился, — даже дѣдъ, постоянно всѣмъ и всѣми недовольный, не бранилъ ни кого. Къ общему сожалѣнію сенаторъ пробылъ въ Покровскомъ только три дня. Онъ какъ всегда куда-то спѣшилъ—въ сенатъ, въ институтъ, гдѣ былъ попечителемъ, въ опекунскій совѣтъ или въ какія-нибудь ученые засѣданія, на балѣ онъ оставался не болѣе получаса, въ театрѣ одно или два дѣйствія.

Спустя недѣлю по отѣздѣ сенатора, однажды, на закатѣ солнца, гуляли мы близъ села, какъ услышали вдали звонъ колокольчика, велѣдъ затѣмъ увидали, катитъ по селу лихая тройка, а въ телѣгѣ Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, увидавши насъ, онъ молодецки привсталъ, замахалъ фуражкой и пунцовымъ фуляровымъ платкомъ, на лету прыгнулъ съ телѣги, чуть не упалъ, но удержался, ловко подбѣжалъ къ намъ, и разсыпался въ похвалахъ деревенской жизни, затѣмъ объявилъ, что если его не прогонять, то онъ прогоститъ у насъ двѣ недѣли. Дѣдъ принялъ его безъ

различно, онъ зналъ его съ давнихъ лѣтъ, давалъ ему разные порученья, и какъ всѣхъ, награждалъ ѣдкими нападками. При первомъ свиданіи спросилъ его не слыхалъ ли онъ гдѣ о продажѣ хорошей кареты, не привезъ ли одеколона и прочее. Но не смотря на все стараніе дѣда попортить всѣмъ довольное состояніе духа, за прелестью окружавшаго насъ міра—оно исчезало безслѣдно.

Въ продолженіи лѣта насъ посѣтилъ еще разъ сенаторъ вмѣстѣ съ А. И. Ключаревымъ чиновникомъ занимавшимся дѣлами отца Саши и сенатора, да профессоръ химіи А. А. Іовскій. Большую же часть времени мы жили одни. Саша и я много читали, много готовили сочиненій нашему учителю русскаго языка И. Е. Протопопову, больше же всего гуляли. Одной изъ любимыхъ прогулокъ нашихъ было ходить на село въ то время, когда пригоняли съ поля скотину. Сидя на заваленкѣ около старостиной избы, мы съ наслажденіемъ вслушивались въ звукъ пастушескаго рожка, вслѣдъ за которымъ медленно вступало въ село стадо и расходилось по своимъ дворамъ. Ихъ встрѣчали женщины и дѣти съ длинными хворостинами въ рукахъ. Пастухъ, хлопая бичемъ, шелъ за стадомъ, къ нему добровольно присталъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати—круглый сирота, считавшійся глупорожденнымъ, звали его Алешей. Бѣлокурый, блѣдный, худой, съ добродушно-беззаботнымъ выраженіемъ лица, Алеша шелъ всегда за стадомъ, играя на берестовомъ рожкѣ какую-то однообразную, успокоительную мелодію. Пріюта постояннаго у Алеши не было, крестьяне поочередно пускали его къ себѣ ночевать и кормили за то, что онъ иногда помогалъ пастуху при стадѣ, впрочемъ помощь отъ него была не велика, большей частью онъ уходилъ въ лѣсъ. Въ полѣ, въ лѣсу онъ былъ у себя, дома, въ полѣ зналъ онъ лучшіе мѣста для скота, въ лѣсу,—гдѣ больше родилось грибовъ и ягодъ; плавалъ онъ въ рѣкѣ какъ рыба, по деревьямъ лазилъ какъ бѣлка, ловко доставалъ гнѣзда съ маленькими птичками—иныхъ не трогая съ мѣста кормилъ. Птицъ онъ любилъ страстно, но еще больше любилъ

собакъ, а собаки, точно чувствуя это, ласкались къ нему. Приходя ночевать въ избу, онъ всегда спѣшилъ уйдти въ подклѣтъ или на огородъ. Говорилъ очень мало и плохо. Всѣ крестьяне жалѣли бѣднаго мальчика, но считая его глупо-рожденнымъ, полагали какъ бы долгомъ издѣваться надъ нимъ, даже ребята находили удовольствіе дразнить его и бросать въ его каменьями изъ-за угла. Алеша молча вставалъ съ мѣста, на всѣ окорбленія какъ-то дѣтски пожималъ плечами и встряхивая головой уходилъ куда нибудь. Мы съ Сашей жалѣли Алешу, когда онъ проходилъ мимо насъ за стадомъ, ласково заговаривали съ нимъ, давали бѣлаго хлѣба, лакомствъ, иногда мелкихъ денегъ, съ которыми впрочемъ онъ не зналъ что дѣлать, и обыкновенно отдавалъ хозяевамъ той избы, въ которой приходилось ему въ ту ночь ночевать. Мало по малу онъ къ намъ привыкъ, иногда увидя насъ останавливался и ждалъ вѣроятно ласковаго слова или гостинца и никогда не забывалъ попросить насъ купить ему мѣдную трубу, которой хотѣлось ему замѣнить берестовый рожекъ, называемый въ той мѣстности желейкой. Мѣдная труба была постоянной мечтой его. Нрава Алеша былъ тихаго, кроткаго, никогда не раздражался шутками надъ нимъ, большей частію жестокими, — взрослые натѣшившись надъ нимъ, надразнивши его дуракомъ, малоумнымъ — отходя, довольные собой, говорили: не надобно обижать Алешку — онъ юродивый — Божій человѣкъ.

Впослѣдствіи въ лицѣ Алеши вмѣстѣ съ беззаботностью стали проглядывать запуганность и дикость.

Видя какъ не только крестьяне, но и наши дворовые считаютъ себя въ правѣ оскорблять и обижать Алешу — мы съ Сашей долго не могли придумать, что за странное наслажденіе находятъ они унижать, мучить, это смирное, невинное существо, никогда ни кому не сдѣлавшее вреда; наконецъ Саша сталъ объяснять это тѣмъ, что всѣ эти люди не въ полномъ разумѣ, только на свой ладъ, и сердятся на Алешу зато, что онъ глупъ по своему. Все это подало мысль Сашѣ

написать очень милый рассказъ, по возвращеніи нашемъ изъ Покровскаго, о жестокости и несправедливости безчеловѣчнаго обращенія съ глупорожденными и помѣшанными. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ напечатанъ въ расширенномъ видѣ, въ одномъ изъ журналовъ.

Мы помѣщаемъ въ „Игрушечкѣ“ рассказъ Саши о глупорожденномъ Адеши подѣ именемъ Левки, въ его первоначальномъ видѣ.

Т. Лассекъ.

РАЗСКАЗЪ САШИ.

ВЪ ОДНОМЪ изъ помѣщичьихъ селеній на берегу рѣки Оки, жилъ дьяконъ, у котораго между прочими дѣтьми былъ сынъ по имени Сенька. Рядомъ съ домикомъ дьякона жилъ пономарь, человѣкъ бѣдный, больной, съ огромной семьей. Въ числѣ восьми человѣкъ дѣтей, у пономаря былъ одинъ ровестникъ Сенькѣ, котораго звали: косой Левка, и онъ точно косилъ глазами. Ровестники мальчики вмѣстѣ росли, каждый день вмѣстѣ играли на огородѣ, на погостѣ или передъ домомъ отца дьякона. Сенька очень привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ пряниками и баянками, которые ему давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, лепешки, кашу и передавалъ черезъ плетень. Левка былъ ребенокъ необыкновенный—шести лѣтъ онъ плавалъ въ Окѣ какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ-одинехонекъ, и въ то же время былъ непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми ихъ стали учить грамотѣ; Сенька чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ развить умственныя способности сына—и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему, и запиралъ въ темный чуланъ

на сутки—все было напрасно: грамота Левкѣ не давалась; но безжалостное обращеніе онъ понялъ, ожесточился и выносилъ все, что съ нимъ дѣлали, молча, терпѣливо; это ему не дешево стоило: онъ исхудалъ; видъ его, прежде дѣтскій кроткій, беззаботный, сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ страха, еще года два побился пономарь съ сыномъ, убѣдился наконецъ, что онъ глупорожденный и предоставилъ ему полную волю. Освобожденный Левка сталъ пропадать цѣлые дни, приходилъ домой грѣться или укрываться отъ непогоды, молчалъ, сидѣлъ въ углу, и иногда бормоталъ про себя разныя слова и вель дружбу только съ двумя существами—съ Сенькой и съ своей собачонкой. Собачонку эту онъ приобрѣлъ неотъемлемымъ правомъ. Разъ Левка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и, подойдя къ крутому берегу, гдѣ рѣка была поглубже, бросилъ туда собачонку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ и черезъ минуту явился на поверхности со щенкомъ: съ тѣхъ поръ они не разлучались.

Лѣтъ двѣнадцать Сеньку отправили въ семинарію. Два года онъ не былъ дома, на третій пріѣхалъ провести вакаціонное время къ отцу. На другой день утромъ рано онъ надѣлъ свой затрапезный халатъ и хотѣлъ идти осматривать знакомыя мѣста; только что вышелъ на дворъ, у плетня стоитъ Левка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бывало Сенька давалъ ему пироги; онъ бросился къ нему съ такой радостью, что у Сеньки слезы навернулись. „Сенька, говорилъ онъ: я всю ночь ждалъ Сеньку, Груша вчера молвила: Сенька пріѣхалъ...“ и онъ ласкался къ нему какъ звѣрокъ, съ какимъ-то подобострастіемъ смотрѣлъ ему въ глаза и спрашивалъ:—„ты не сердись на меня? Всѣ сердиты на Левку — не сердись, Сенька—я плакать буду, не сердись — я тебѣ векшу поймаю“. — Сенька бросился обнимать Левку; это такъ ново, такъ необыкновенно было для бѣднаго мальчика, что онъ зарыдалъ и, схвативши его руку, цѣловалъ ее; тотъ не могъ

отдернуть руки, такъ крѣпко онъ держалъ ее.—„Пойдемъ-ко въ лѣсъ“, сказалъ ему Сенька.—„Пойдемъ далеко, хорошо будетъ, очень хорошо“, отвѣчалъ Левка. Они пошли. Онъ велъ версты четыре лѣсомъ, подымавшимся въ гору, и вдругъ вывелъ на открытое мѣсто: внизу текла Ока, кругомъ верстъ на двадцать одинъ изъ превосходнѣйшихъ сельскихъ видовъ Великороссіи.—Здѣсь хорошо, говорилъ Левка: здѣсь хорошо.—Что же хорошо? спросилъ его Сенька, желая испытать, что онъ скажетъ. Онъ остановилъ на Сенькѣ какой-то невѣрный взглядъ, лицо его приняло болѣзненное выраженіе, онъ грустно покачалъ головою и сказалъ: „Левка не знаетъ, такъ хорошо!“ Сенькѣ стало стыдно.—Левка сопровождалъ его почти на всѣхъ прогулкахъ: его безграничная преданность, его непрерывное вниманіе трогали товарища.—Привязанность его къ нему была понятна; одинъ Сенька обходился съ нимъ ласково. Въ семьѣ стыдились его; крестьянскіе мальчики дразнили его, даже взрослые мужики дѣлали ему всякаго рода обиды и оскорбленія, приговаривая: юродиваго обижать не надо; юродивый Божій человѣкъ. Онъ обыкновенно ходилъ задомъ села; когда же ему случалось идти улицей, однѣ собаки обходились съ нимъ по человѣчески: онѣ, издали завидя его, виляли хвостомъ, прыгали на шею, лизали лицо и ласкались до того, что Левка, тронутый до слезъ, садился середь дороги и цѣлые часы занималъ изъ благодарности своихъ пріятелей до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь крестьянскій мальчишка пускалъ камень на удачу, въ собакъ ли попадетъ, или въ бѣднаго мальчика: тогда онъ вставалъ и убѣгалъ въ лѣсъ.

Передъ сельскимъ праздникомъ дьяконъ видя, что Левка весь въ лохмотьяхъ, велѣлъ женѣ сшить ему длинную рубашку и отдать ее дочерямъ шить. Помѣщикъ, услышавши объ этомъ, отпустилъ толстаго домашняго сукна для него на кафтанъ. При господскомъ домѣ былъ приставленъ одинъ старикъ лакей, не столько по способности смотрѣть за чѣмъ нибудь, сколько за пьянство, этотъ лакей, фершалъ и порт-

ной, весьма затруднился, когда получилъ отъ управляющаго приказаніе сшить Левкѣ кафтанъ; какъ строить дурацкій кафтанъ! сколько онъ ни думалъ, все выходилъ довольно обыкновенный кафтанъ; а потому онъ и рѣшился на отчаянное средство — пришить къ нему красный воротникъ изъ остатковъ какой-то старинной ливреи. Левка былъ ужасно радъ и новой рубашкѣ, и кафтану, и красному воротнику, хотя по правдѣ сказать, радоваться было нечему. До этого времени крестьянскіе мальчишки нѣсколько удерживались, но когда на Левку надѣли парадный мундиръ дурака,— тогда гоненія и насмѣшки удвоились. Однѣ женщины были на сторонѣ Левки: давали ему лепешки и говорили иногда привѣтливое слово. Унижая его, добрые люди, казалось, росли въ своихъ собственныхъ глазахъ; серьезно съ нимъ никто слова не молвилъ, даже отецъ дьяконъ отъ природы вовсе не злой человѣкъ, хотя исполненный предразсудковъ и лишенный всякаго снисхожденія—и тотъ иначе не могъ обращаться съ Левкой, какъ унижая его и возвышая себя.— А что, Левка, говаривалъ онъ ему, любишь ли ты кого-нибудь больше этого пса смердящаго?—Люблю, отвѣчалъ Левка. Сеньку люблю больше.—Видишь губа-то не дура, ну, а еще кого любишь?—Никого, простодушно отвѣчалъ Левка.—Ахъ, глупорожденный, глупорожденный, ха, ха,ха, а мать родную меньше любишь развѣ?—Меньше, отвѣчалъ Левка.—А отца твоего?—Совсѣмъ не люблю. — О, Господи Боже мой, чти отца твоего и мать твою, а ты дуракъ что? безсмысленныя животныя и тѣ любятъ родителей; какъ же разумному подобію Божию не любить ихъ?

— Какія животныя?

— Ну, какія? псы, лошади... всякія.

— Вотъ наша кошка Машка любитъ моего Шарика больше всѣхъ.

Дьяконъ хохоталъ отъ души, прибавляя „блаженни нищіе духомъ!“

Оканчивалъ Сенька уже риторiku, какъ ему въ голову

пришло написать „слово о богопротивномъ людей обращеніи съ глупорожденными“. Обдумать его онъ пошелъ по дорогѣ; шель, шель и, не замѣчая того, очутился въ лѣсу; такъ какъ онъ вошелъ въ него безъ вниманія, то и неудивительно, что потерялъ дорогу; искалъ, искалъ и еще болѣе терялся въ лѣсу, — вдругъ услышалъ знакомый лай Левкиной собаки; онъ пошелъ въ ту сторону, откуда раздавался лай и вскорѣ былъ встрѣченъ Шарикомъ; шагахъ въ пятнадцати отъ него подъ большимъ деревомъ спалъ Левка. — Сеня тихо подошелъ къ нему и остановился — какъ кротко, какъ спокойно спалъ Левка! Онъ былъ дурень собой на первый взглядъ; бѣлые волосы прямо падали съ головы странной формы, онъ былъ блѣденъ, съ бѣлыми рѣсницами и къ тому же съ нѣсколько косившимися глазами. Но никто никогда не далъ труда себѣ взглянуть въ его лицо, отталкивающее съ перваго раза. Это странное лицо не было лишено своей красоты, особенно теперь, какъ онъ спалъ; щеки его немного раскраснѣлись, косые глаза не были видны, черты его выражали такой миръ душевный, такое спокойствіе, что становилось завидно. Тутъ, стоя передъ этимъ спящимъ дурачкомъ, Сеню поразила мысль, которая потомъ преслѣдовала его всю жизнь: „Счего люди, окружающіе его, воображаютъ, что они лучше его? счего считают себя въ правѣ презирать, гнать это существо, тихое, доброе, — никогда никому не сдѣлавшее вреда?“ и какой-то таинственный голосъ шепталъ ему: оттого, что и всѣ остальные — юродивые, только на свой ладъ и сердятся, что Левка глупъ по своему. Онъ оставилъ спящаго Левку и пошелъ на удачу бродить по лѣсу, съ какой-то внутренней боязнью вглядываясь въ новую мысль. Въ самомъ дѣлѣ, думалось ему, чѣмъ Левка хуже другихъ? тѣмъ, что онъ не приноситъ никакой пользы? Ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобъ ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня, и чтобъ никто не зналъ зачѣмъ они жили, и для чего они жили — гдѣ же польза ихъ существованія? На-

слаженіе жизнию? да они ею никогда не наслаждались, по крайней мѣрѣ гораздо менѣ Левки. Для нихъ жизнь была тяжелая ноша и скучный обрядъ. Зачѣмъ Левка не работаетъ? Да что же за бѣда, онъ ни у кого ничего не просить, кой-какъ сытъ. Чѣмъ же онъ хуже умниковъ, которые не смотря на то, что работаютъ денно и нощно, не богаче его? Работа не наслаженіе какое-нибудь: кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ. Чѣмъ Левка сытъ, непонятно одно, что какъ онъ ни тупъ, но если наберетъ ягодъ или грибовъ, то его не такъ легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть однѣ неспѣлыя ягоды, да сыроѣжки, а что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежать... ну, хоть отцу Василью. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ обязанностей сына, брата. Ну, а тѣ, которые дома, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ живущихъ въ постоянной ссорѣ между собой, которая длится въ родѣ тридцатилѣтней войны... И онъ сталъ думать, что Левка глупъ на свой салтыкъ, а другіе глупы повально.

Вакаціонное время прошло, пора Сенькѣ возвращаться. Когда дьяконъ заложилъ пѣгую лошадку въ телѣгу, чтобъ отвезть Сеньку, Левка пришелъ опять къ плетню; онъ не совался впередъ, а, прислонившись къ веревѣ, обтиралъ по временамъ грязнымъ, спущеннымъ рукавомъ рубашки слезы. Сенькѣ было очень грустно его оставить; онъ подарилъ ему всякихъ бездѣлушекъ; Левка на все смотрѣлъ печально. Когда же Сенька сталъ садиться въ телѣгу, Левка подошелъ къ нему и такъ печально, такъ грустно сказалъ: „Сенька, прощай!“ а потомъ подаль ему Шарика и сказалъ: „возьми, Сенька, Шарика себѣ.“ Дороже предмета у Левки не было и онъ отдавалъ его! Сенька насилу уговорилъ его оставить Шарика у себя, говоря, что пусть онъ будетъ мой, но живетъ у тебя. Они поѣхали. Левка побѣждалъ лѣсомъ, выбѣждалъ на гору, мимо которой шла дорога, и сталъ махать платкомъ. Онъ стоялъ неподвижно на горѣ, опираясь на свою палку.

Мысль о Левкѣ, о причинѣ его страннаго развитія не выходила изъ головы Сени. Она мѣшала ему вполне предаваться ученію, не давала покою и мало по малу развилось въ немъ непреодолимое желаніе изучать медицину. Когда онъ впервые заикнулся объ этомъ отцу, тотъ вошелъ въ неописанный гнѣвъ: „Ахъ, ты баловень презорный! кричалъ онъ, вотъ какъ хвачу за вихры, такъ ты у меня и узнаешь, гдѣ раки зимуютъ. Дѣды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили изъ своего званія!.. Думалъ ли я подѣ старость дожить до такого сраму? Вотъ и радость, приносимая сыномъ. Не одинъ видно пономарь посѣщенъ Богомъ, не даромъ съ дуракомъ валандается: вѣдь свой своему по неволѣ брать... А все ты, малодушная баба, испортила его,“ прибавилъ дьяконъ обращаясь къ женѣ. Почему именно жена была виновата, что сынъ хотѣлъ учиться медицинѣ—это неизвѣстно.—Господи, думалъ Сеня: — да что же я сдѣлалъ такое? Мнѣ хочется заняться медициной, а кто послушаетъ батюшку, право подумаетъ, что я просился на большую дорогу грабить. — Даль онъ мѣсто родительскому гнѣву, промолчалъ; черезъ мѣсяць завелъ-было опять рѣчь: куда ты! съ перваго слова такъ его лицо и зардѣло. Дѣлать нечего, ждалъ особаго случая, а самъ только и занимался латынью. На вакаціи поѣхалъ Сенька опять домой. Левка еще больше одичалъ; онъ добровольно помогалъ пастуху пасти стадо и почти никогда не ходилъ домой. Его однако онъ принялъ съ прежней безграничной, нечеловѣческой привязанностью; грустно было на него смотрѣть, особенно потому, что языкъ у него какъ-то сдѣлался невнятенѣе, сбивчивѣе и взглядъ сталъ еще страннѣе. Черезъ годъ ему приходилось окончить курсъ, временить было нѣчего: батюшка ужъ готовилъ ему мѣсто. Чтò было дѣлать? утопающій за соломенку хватается. Слыхалъ онъ отъ дворовыхъ людей, что сынъ помѣщика (они жили лѣто въ деревнѣ) добрый баринъ, ласковый, — онъ и подумалъ: еслибъ онъ черезъ Ѳедора Григорича попросилъ объ немъ его отца, можетъ быть тотъ,

видя такое высокое ходатайство, и согласился бы. Надѣлъ онъ свой нанковый сюртукъ, тщательно вычистилъ сапоги, повязалъ голубой шейной платокъ, и пошелъ въ господскій домъ. На дорогѣ попался Левка.—Сенька, кричалъ онъ, въ лѣсъ: Левка гнѣздо нашелъ, птички маленькія, едва пушокъ, матери нѣтъ, грѣть надо, кормить надо.

— Нельзя, братъ, иду вонъ туда.

— Куда?

— Въ барскій домъ.

— У... у!.. сказалъ Левка поморщившись, у... у!.. Онъ долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ, потомъ свиснулъ своей собакой и побѣжалъ къ лѣсу, — но едва Сеня успѣлъ сдѣлать двадцать шаговъ, Левка нагналъ его. — Левка идетъ туда, Сеньку бить будутъ, Левка камнемъ пустить. При этомъ онъ мнѣ показалъ булыжникъ величиною съ индѣйское яйцо. Но мѣры его были не надобны; люди отказали, говоря, что господа чай кушаютъ; — потомъ онъ раза три приходилъ, все недосугъ молодому барину; послѣ третьяго раза не пошелъ больше. Судьба показала выходъ, хотя и очень горестный. Въ селѣ Порѣчѣ былъ храмовой праздникъ; село Порѣчье казенное, торговое, богатое, праздникъ у нихъ справлялся отлично. Тамошній священникъ приглашалъ ихъ всѣхъ. Они отправились наканунѣ: отецъ Василій съ попадѣй, дьяконъ одинъ, причетники и Сеня, чтобъ отслужить всенощную соборнѣ. Праздникъ былъ великолѣпный, фабричные пѣли на клиросѣ. Во время литургіи пріѣхалъ самъ капитанъ-исправникъ съ супругой и двумя застѣдателями. Голова за мѣсяць собиралъ по двадцати пяти копѣекъ серебромъ съ тягла начальству на закуску. Словомъ сказать, было весело и шумно; одинъ Сеня грустилъ; грустилъ Сеня и потому, что намѣренія его не удавались, и по не привычекъ къ многлюдію; въ хороводахъ ходить онъ не умѣлъ, а пуще всего ему досадно было, что всѣ перемигивались, глядя на него и на дочь порѣчинскаго священника. Онъ приглянулся ея отцу и тотъ предлагалъ, какъ только кончу курсъ, женить на до-

чери, а онъ мѣсто уступить и обзаведеніе: самому-де на отдыхъ пора. А дочь-то его, несмотря на то, что ей было не болѣе 18 или 19 лѣтъ, была похожа не на человѣка, а напоминала подобіе аладій. Такимъ образомъ поскучивъ въ Порѣчѣ до вечера, онъ вышелъ на берегъ рѣки,—откуда ни возмись Левка тутъ: и онъ бѣдняга приходилъ на праздникъ, самъ не зная зачѣмъ. Стоитъ лодочка, причаленная на берегу и покачивается; давно Семенъ не катался на лодкѣ—смерть захотѣлось ему ѣхать домой по водѣ. На берегу нѣсколько мужиковъ лежали въ синихъ кафтанахъ, въ новыхъ поярковыхъ пляпахъ съ лентами; выпивши, они лихо пѣли пѣсни во все молодецкое горло.

— Позвольте, молъ, православные, лодочку взять прокатиться до Раздеришина? сказалъ Сеня имъ.—„Съ нашимъ удовольствіемъ, мы-де вашего батюшку знаемъ, извольте взять“. Сеня и двое парней бросились съ величайшей готовностію отвязывать лодку. Сеня сѣлъ править, а Левка грестъ, и поѣхали по Окѣ рѣкѣ, чудо какъ весело. Между тѣмъ смерклося и мѣсяцъ взошелъ, съ одной стороны было такъ свѣтло, а съ другой черныя тѣни береговъ бѣжали на лодку. Подымавшаяся роса, какъ дымъ огромнаго пожара, бѣжала на лунномъ свѣтѣ и колебалась по водѣ, будто отдираясь отъ нее. Пѣсни празднующихъ порѣчанъ раздавались, носимыя вѣтромъ, то тише, то громче. Левка былъ доволенъ, мочилъ безпрестанно свою голову водою и стряхивалъ мокрые волосы, падавшіе въ глаза. „Сенька, хорошо?“ говорилъ онъ спрашивая, и когда Сеня отвѣчалъ ему:—очень, очень хорошо,—онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Левка умѣлъ мастерски грестъ; онъ отдавался въ какомъ-то опьяненіи ритму разсѣкаемыхъ волнъ и вдругъ подымалъ оба весла и лодка тихо, тихо скользила по волнамъ и тишина, заступавшая мѣрные удары, клонила къ какому-то полусну. Они пріѣхали поздно ночью, Левка отправился съ лодкой назадъ, а Сеня домой. Только что онъ легъ спать, слышитъ—подъѣзжаетъ телѣга къ ихъ дому; матушка (она не ѣздила

на праздникъ, ей что-то нездоровилось) послушала, да и говоритъ: „это не нашей телѣги скрипъ“; стучать въ ворота, „треба, молъ, вѣрно какая нибудь. Не вставайте, матушка, я схожу посмотрѣть“, сказалъ Сеня да и вышелъ; отворяетъ калитку, порѣчинскій голова стоитъ, немножко хмѣльной.—Что ты, Макаръ Лукичъ? — Да что, говоритъ, дѣло-то не ладно, вотъ что.—Какое дѣло?“ спросилъ Сеня, а самъ дрожить всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.—Вѣстимо на счетъ отца діакона.—Сеня бросился къ телѣгѣ: на ней лежалъ отецъ безъ движенія. „Что съ нимъ такое?“—А Богъ его вѣдаетъ, все былъ здоровъ, да вдругъ что ни есть прилучилось.—Отца діакона внесли въ комнату; лицо его посинѣло, терли его руки, спрыскивали водой; показалось, что онъ хрипитъ; послали за портнымъ, онъ былъ и фершелъ, портной схватилъ ланцетъ, раза три посѣкъ руку, кровь не идетъ. Онъ вынулъ табакерку, понюхалъ, потомъ началъ платкомъ обтирать инструментъ.—Что? спросилъ Сеня какимъ-то не своимъ голосомъ. — Не нашего ума дѣло-съ. Кондрашка-то сильно хватилъ вашего батюшку, отвѣчалъ онъ. Матушка упала безъ чувствъ, у Сени сдѣлался ознобъ, а ноги такъ и подкашивались.

Послѣ смерти отца, матушка не препятствовала ему, онъ выхлопоталъ себѣ наконецъ увольненіе изъ семинаріи и вступилъ въ медико-хирургическую академію студентомъ. Читая программу лекцій, онъ увидѣлъ, что адъюнктъ, если останется время, будетъ читать студентамъ, оканчивающимъ курсъ, общую психіатрію. Что такое психіатрія? товарищи объяснили ему, что это наука о душевныхъ болѣзняхъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца года и хотя ему еще не приходилось слушать психіатрію—явился на первую лекцію адъюнкта. Такъ какъ онъ мало былъ образованъ по медицинской части, то почти ничего не понималъ, хотя и слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что долго помнилъ краснорѣчивое вступленіе адъюнкта. „Психіатрія, говоритъ онъ:—безспорно самая трудная часть врачебной науки, са-

мая необъяснимая, но за то нравственное вліяніе ея самое благотворное“.

Когда Сеня порядкомъ изучилъ приготовительныя части, то сталъ мало по малу дѣлать собственныя наблюденія надъ одержимыми душевными болѣзнями, записывая все видѣнное въ особую книгу. Воскресные и праздничные дни проводилъ онъ почти всегда въ домѣ умалишенныхъ. И всѣ наблюденія его вели постоянно къ мысли, поразившей его при видѣ спящаго Левки, т. е. что оффиціальныя, патентованныя сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать, геніальнѣе. Странные поступки безумныхъ, ихъ раздражительную злобу объяснялъ онъ себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердитъ ихъ и ожесточаетъ непрерывнымъ противорѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ *idée fixe*. Замѣчательно, что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ; внѣ ихъ существуетъ между больными какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пункты помѣшательства другъ въ другѣ. Да, все несчастіе явнобезумныхъ — ихъ гордая самобытность, ихъ упрямая неуступчивость, за которую повально-поврежденные мстятъ имъ со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ въ клѣтки отклонившихся отъ общаго безумія и поливаютъ ихъ холодной водой.— Объясню примѣрами. Главный докторъ въ заведеніи добрый-шій нѣмецъ въ мірѣ, безъ сомнѣнія болѣе поврежденный, чѣмъ половина больныхъ его.

.....

Больные не любили его оттого, что онъ самъ, сидя на одной почвѣ съ ними, вступалъ всегда въ соревнованіе.

— Я китайскій богдыханъ! кричалъ ему одинъ больной, привязанный на толстой веревкѣ, которая, по необходимости, ограничивала богдыханскую власть его.—Ну, когда же

китайскій императоръ сидить на веревкѣ? отвѣчалъ добрый-шій нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ, какъ будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій богдыханъ передъ нимъ. Большой выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что это Вольтеръ и іезуиты посадили его на цѣпь и долго не могъ потомъ успокоиться. Сенья, уже Семень Ивановичъ, совсѣмъ напротивъ подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія. „Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца“, говорилъ онъ ему:—„позволь мнѣ, презрѣнному червю, грязи, отставшей отъ безсравненныхъ подошвъ твоихъ, покапать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ, что вода имѣетъ счастье освѣжить почтенную шкуру, покрывающую бѣлую кость твоего черепа...“ и больной улыбался и позволялъ дѣлать съ собою все, что онъ хотѣлъ. Обращаю особенное вниманіе на то, говорилъ Семень Ивановичъ, что и для этого больного я не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ, какъ всѣ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ вездѣ, на улицѣ, въ гостинной и проч.—Надобно замѣтить, что въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старикъ—воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить, — и всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно; однако главный докторъ слушалъ его до конца и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его—а китайскаго богдыхана дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

ВЕСНА.

ЩЕ ЛЕЖИТЬ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.

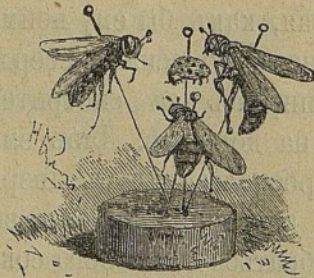
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.

Люблю я этотъ переходъ; живешь
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь
Какъ колоколь пробудить гулъ далекой,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнуть ни на мигъ.

И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щечбеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ давно... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ-ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣтѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шумень лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней деревьевъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ,
И соловей до утра пропоетъ.

Н. Р.

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

СТАВЪ съ камня, онъ собрался идти куда глаза глядятъ, чтобы только дальше уйти отъ дома дяди, да вдругъ вспомнилъ, что тамъ осталось его единственное сокровище — отцова шапка, и не смотря на страхъ вернулся.

Подойдя къ дому, онъ прокрался по стѣнкѣ и спрятался въ кустахъ около дома, высматривая, какъ бы ему поймать Катерину одну. До него доносились сердитые голоса, наконецъ дверь захлопнулась за зрителемъ, и онъ взбѣшенный показался на дорожкѣ. Давъ ему время отойти по дальше, Готлибъ проскользнулъ въ дверь. Катерина встрѣтила его бранью и колотушками, онъ все перенесъ терпѣливо, только бѣ добраться до своего сокровища. Когда отыскавъ драгоценную шапку, онъ возвращался назадъ, Катерина дала ему такого пинка, что онъ вылетѣлъ въ дверь и растянулся на крыльцѣ. Выбросивъ ему вслѣдъ забытый мальчишкой мѣшокъ, она съ шумомъ и бранью захлопнула дверь.

— Что за странность, право, думалъ, вставая, обиженный Готлибъ, Катерина гораздо болѣе виновата чѣмъ я, меня выгнали, а ее оставляютъ, и она же, вмѣсто того, чтобы меня пожалѣть, утѣшить, еще сердится и бранится. Странныя дѣла дѣлаются на свѣтѣ!

Добродушный Готлибъ не понималъ, что смотритель не посмѣлъ бы выгнать Катерину, не даромъ была она ему помощницей и знала всѣ его тайны.

IV.

Доброе дѣло не остается безъ награды.

Все время пока Готлибъ жилъ у дяди, онъ не смѣлъ никуда отлучаться далѣе Штейнбаха, куда ходилъ иногда съ Катериной; не смѣлъ знакомиться съ другими мальчиками, такъ что теперь рѣшительно не зналъ куда дѣваться, къ кому обратиться въ своемъ безвыходномъ положеніи, и пошелъ прямо на удачу. Сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ, онъ очутился въ незнакомой ему мѣстности и увидаль передъ собою такое необыкновенное строенье, что, разматривая его съ крайнимъ любопытствомъ, забылъ на минуту о своемъ горестномъ положеніи. Какіе то столбы съ огромными колесами на верхушкахъ образовали длинную линію посреди большой долины. Эти толстые столбы, соединенные винтами, были въ непрерывномъ, равномерномъ движеніи. Къ каждому изъ нихъ придѣланъ былъ брусъ въ нѣсколько футовъ длиною, вертѣвшійся вмѣстѣ со столбами. По обоимъ концамъ этого ряда столбовъ находилось по небольшому, высокому домику, а на крышахъ домиковъ по колоколу, которые звонили всякій разъ, какъ только вертѣвшійся брусъ до него дотрогивался. Готлибъ усѣлся на небольшомъ пригоркѣ и долго разматривалъ эту диковинную постройку, колоколь звонилъ то справа, то слѣва, и этотъ непрерывной звонъ чрезвычайно забавлялъ мальчика.

Солнце закатилось, длинныя тѣни растиались по долинѣ, въ горахъ слышался рожокъ пастуха, сзывавшаго свое стадо. Все въ природѣ умолкало и утихало, Готлибъ утомленный слезами прилегъ на траву и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Его разбудилъ осенній вѣтеръ, завывавшій между деревьями;

совсѣмъ стемнѣло, и ночная сырость проникала сквозь легкую одежду мальчика.

— Бррр! какъ холодно! невольно воскликнулъ Готлибъ.

Въ ту же минуту близь него что-то зашевелилось, и онъ увидить высокую, темную фигуру которая шла прямо на него, бѣдный мальчикъ страшно перепугался.

— Кто тутъ? басомъ спросила фигура.

— Это я, отвѣтилъ мальчикъ, дрожа отъ страха.

— Кто это—я?

— Готлибъ Фрей—племянникъ г-на Верндтеля.

— Какъ, ты тотъ мальчикъ, что живетъ у смотрителя?

— Что жиль у него, поправилъ Готлибъ въ полголоса.

— Какъ же это ты попалъ сюда въ такую пору? Ты вѣрно заблудился, а не то убѣжалъ, пожалуй, отъ дяди?

Готлибъ откровенно рассказалъ все, что съ нимъ случилось. Рудокопъ, таково было общественное положеніе темной фигуры, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и только по временамъ бормоталъ себѣ что-то подъ носъ.

— Ты прозябъ, мой бѣдный мальчикъ, такъ заговорилъ наконецъ рудокопъ, имя котораго было Кламротъ, пойдемъ со мною. Если смотритель будетъ за это ко мнѣ придирается, Богъ съ нимъ, мнѣ все равно! Ты спасъ жизнь моей маленькой Лоты, услуга за услугу, пойдемъ со мною, Готлибъ!

Понятно съ какою радостью послѣдовалъ мальчикъ за своимъ спасителемъ, дрожа отъ холода и голода. Кламротъ привелъ его въ свой маленькій домикъ, стоявшій почти у самыхъ столбовъ, и уложилъ на мягкой соломѣ возлѣ печки, давъ ему сперва кусокъ булки. Какъ только Готлибъ уснулъ подъ даннымъ ему теплымъ одѣяломъ, рудокопъ вернулся на свой наблюдательный постъ.

У Кламрота было шесть человѣкъ дѣтей и никакихъ средствъ къ жизни кромѣ собственнаго труда. Однажды, спускаясь въ рудникъ, онъ упалъ и сломалъ себѣ руку, его вывели несовсѣмъ удачно, сросшаяся плохо рука потеряла способность сгибаться, и онъ не могъ болѣе продолжать свою обыч-

ную работу; тогда начальство изъ состраданія къ его сиротамъ, жены онъ лишился давно, поручило ему надзоръ за водокачальной машиной, выкачивающей изъ подземныхъ галлерей воду; его обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за ея постояннымъ движеніемъ. Если же какая нибудь порча въ устройствѣ машины останавливала ея дѣйствіе, то онъ долженъ былъ дать знать объ этомъ рудокопамъ, звонить въ колоколь въ отверстіе шахты, чтобы они спѣшили выдти изъ галлерей. Обязанность эта была очень отвѣтственна и трудна, тѣмъ болѣе, что начальство, желая предоставить ему одному двойное жалованіе, упразднило мѣсто втораго надзирателя. Съ тѣхъ поръ какъ дѣти его стали подростать, они нерѣдко замѣняли отца днемъ, и бѣдный труженикъ могъ отдохнуть немного.

Когда на слѣдующее утро, Доротея, старшая дочь Кламрота, пришла къ очагу грѣть къ завтраку воду, то очень удивилась увидавъ незнакомаго мальчика, и съ недоумѣніемъ смотрѣла на растерявагося Готлиба, къ счастью самъ Кламротъ и другія дѣти явились ему на выручку.

— Ну, дѣти, сказалъ отецъ, вотъ я вамъ привелъ еще брата. Это тотъ самый мальчикъ, что вытащилъ Шарлоту изъ чана съ водой въ саду г-на смотрителя. Онъ будетъ жить у насъ. Если каждый изъ васъ станетъ ѣсть двумя ложками супу и двумя картофелинами въ день меньше, то все таки не будетъ голоденъ, а наша Шарлота, кажется, стоитъ такой жертвы. Я увѣренъ еслибъ вамъ пришлось увидеть ея блѣдной и неподвижной, какъ, помните, былъ сынъ мельника, когда его вытащили изъ рѣки, вы бы незадумись удѣлили ей по двѣ картофелины въ день, лишь бы она была жива. Такъ вообразите же, что оно такъ и случилось и нашему Готлибу этого будетъ достаточно. Гдѣ сыты семеро, тамъ хватить и на восьмага, авось по милости Божіей прокормимся!

— Ну хорошо теперь, сказалъ Кламротъ, возблагодаримъ Господа, ниспославшаго намъ этотъ день и нашъ хлѣбъ насущный?!

Дѣти помѣстились вокругъ стола, на которомъ уже клубился паръ изъ миски, полной вкуснаго хлѣбнаго супа, отецъ, снявъ шапку, прочелъ вслухъ молитву, по окончаніи которой все сѣли за столъ. Послѣ завтрака Кларотъ спросилъ:

— Кто сегодня дежурный при машинахъ и кто смотреть за Шарлотой!?

— Я, отвѣтилъ Жакъ.

— А кто въ кухнѣ и пойдетъ за дровами?

— Я, весело отвѣчала Софья.

— Прекрасно. Остальные трое возьмите Готлиба и идите въ школу. Доротея, кланяйся отъ меня учителю и попроси его принять въ свой классъ этого бѣднаго мальчика сироту. Да ты, Готлибъ, хочешь ходить въ школу?

— Ахъ! какъ еще хочу, воскликнулъ Готлибъ.

— Отлично! Но я не въ состояніи платить ни за своихъ дѣтей, ни за тебя. Слушай же, что я тебѣ скажу. Учитель здѣсь человѣкъ хорошій, но небогатый, и вотъ какъ онъ устроилъ дѣла: кто не можетъ платить деньгами, тотъ платитъ трудомъ. У него довольно большой садъ и поле, для которыхъ надобны работники. Если желаешь учиться, то долженъ работать. Что ты на это скажешь?

— Съ удовольствіемъ готовъ работать, отвѣчалъ Готлибъ.

— Стало и толковать нечего.

Классъ начинался въ восемь часовъ, а такъ какъ до школы было ходьбы не менѣе часу, то дѣти немедленно собрались въ путь. Доротея принесла полный горшокъ варенаго картофеля и раздѣлила его поровну между четырьмя дѣтьми, отправлявшимися въ школу, Кларотъ далъ имъ еще по куску чернаго хлѣба, и сказала Готлибу:

— Это твоя обѣденная порція, береги же ее до обѣда.

Дѣти весело пустились въ путь, отецъ легъ спать, Жакъ пошелъ смотрѣть за машиною, а Софья—въ ближній лѣсъ собирать хворостъ.

V.

Кто трудится, тотъ здоровъ и доволенъ собою.

Учитель, человекъ маленькаго роста, пріятной наружности, выслушавъ отъ Доротеи порученіе ея отца, радушно принялъ Готлиба.

— Bravo! сказалъ онъ, вотъ намъ еще помощникъ, и пожавъ Готлибу руку представилъ его товарищамъ. Урокъ начался молитвою и пѣніемъ гимна. Учитель, по имени Либель, обращался съ дѣтьми дружески. Готлибу онъ далъ аспидную доску, карандашъ, грифель, книжку для чтенія и тетрадь для письма и сказалъ, что дастъ ему все это въ долгъ, собственностью же его эти вещи сдѣлаются тогда, когда онъ заработаетъ то, чего онѣ стоятъ.

Въ полдень классъ кончился. Дѣти, которыя платили за ученіе, пошли домой, а прочія принялись за свой хлѣбъ и картофель. До часу имъ позволялось играть и бѣгать на дворѣ, если же шелъ дождь, то они занимались рисованьемъ на своихъ аспидныхъ доскахъ, изображая знакомые имъ предметы. Въ часъ дѣти принимались за работу и разсыпались въ разныя стороны.

Дѣвочки шли въ огородъ полоть картофель, лушили бобы и горохъ, мальчики выбирали изъ грядъ камни, сгребали въ копны сѣно, за которымъ съ тачками ѣздили въ лѣсъ, копали гряды и чистили любимый садикъ учителя, въ четыре часа онъ самъ присоединялся къ маленькимъ работникамъ.

— Ого! сказалъ онъ въ тотъ день, когда Готлибъ въ первый разъ попалъ въ школу, сегодня вы отлично работали. Такое прилежаніе стоитъ награды, и вы ее получите.

— Знаешь что эта за награда, шепнулъ Готлибу стоявшій возлѣ него мальчикъ, всякій разъ какъ онъ нами доволенъ, рассказываетъ какую нибудь такую интересную исторію, что не скоро и позабудешь ее.

Какъ только убрались съ работой, учитель усадилъ въ классной комнатѣ вокругъ себя маленькихъ слушателей и началъ имъ рассказывать про большіе города съ ихъ великолѣпными домами, церквами, скверами, гдѣ ему удавалось побывать въ молодости, говорилъ и про безбрежное море и про пловучіе дома, называемые кораблями и пароходами.

Счастливый и довольный вернулся Готлибъ въ домъ своего пріемнаго отца. Съ какимъ аппетитомъ съѣлъ свой скромный ужинъ изъ того же хлѣба и картофеля, и горячо благодарилъ Бога, ниспославшаго ему отраду послѣ горькихъ дней въ домѣ дяди. Спалъ онъ крѣпко и покойно, поработавши—и съ чистой совѣстью.

VI.

Горькая доля рудокопа.

Съ каждымъ осеннимъ днемъ погода становилась холоднѣй и холоднѣй а у бѣднаго Готлиба не было ни теплой обуви, ни платья, у названнаго же отца его не было средствъ помочь ему.

— Вижу, мой бѣдный мальчикъ, сказалъ однажды Кламротъ, что тебѣ приходится плохо, и не знаю какъ пособить. Пойдемъ завтра вмѣстѣ въ городъ, не найдется ли по дорогѣ добрая душа, которая сжалится надъ тобою, а не то надо будетъ придумать какъ бы тебѣ самому ухитриться заработать себѣ на платье и обувь. Кстати въ городѣ посмотришь на разные ремесла и выберешь себѣ ремесло по вкусу.

Раннимъ утромъ вышли путешественники изъ дома. Кламротъ несъ на спинѣ корзину наполненную деревянными издѣльями на продажу, такую же корзину поменьше далъ нести Готлибу, въ карманѣ у обоихъ было по куску хлѣба и по нѣсколько картофелинъ на дорогу.

— Мнѣ бы хотѣлось быть рудокопомъ, какъ мой отецъ, сказалъ Готлибъ, когда имъ встрѣтилось нѣсколько товарищей Кламрота, отправлявшихся на работу.

— Хорошо, Готлибъ, на обратномъ пути мы спустимся въ рудникъ и ты посмотри по тебѣ ли это ремесло.

Пока они, разговаривая, отошли мили двѣ отъ дома, полилъ сильный дождь, Готлибъ сталъ жаловаться на погоду, какъ нарочно мѣшавшею ихъ путешествію.

А дождь между тѣмъ полилъ сильнѣе, наши путники, увидавъ впереди деревеньку, пустились бѣжать, чтобы укрыться подъ какимъ нибудь навѣсомъ. Судьба привела ихъ на крыльцо пасторскаго дома. Съ обоихъ вода лила ручьями, а голодъ напоминалъ, что они вышли безъ завтрака, но только что они собрались взяться за свой хлѣбъ и картофель, какъ на крыльцо выбѣжали пасторскія дѣти, а за ними и сама пасторша. Увидавъ измокшихъ путешественниковъ, она радушно пригласила ихъ въ комнаты погрѣться. Въ комнатѣ, когда пасторша сняла съ продрогшаго мальчика курточку, чтобы высушить ее, а его накормить горячимъ супомъ, ей бросилась въ глаза его исптопанная рубашонка и жалкіе башмаченки на босу ногу.

— Бѣдный ребенокъ, сказала она, у тебя вѣрно нѣтъ матери.

Кламротъ рассказалъ ей исторію Готлиба. Тронутая сиротствомъ ребенка, пасторша начала рыться по комодамъ, отыскивая нѣтъ ли тамъ чего пригоднаго для него. Не прошло десяти минутъ какъ на Готлибъ была надѣта крѣпкая пара теплыхъ чулокъ на ногахъ, а другая нитяная лежала въ карманѣ. Сверхъ того его наградили новой парой отличныхъ сапоговъ, теплой курточкой и двумя крѣпкими рубашками. Мальчикъ одурѣлъ отъ радости, не зная какъ и выразить свою благодарность добрымъ людямъ, принявшимъ въ немъ участіе.

— Вотъ ты ропталъ на дождь, а онъ привелъ тебя къ лучшему, говорилъ Кламротъ, когда они накормленные и обогрѣтые очутились при выглянувшемъ наконецъ солнышкѣ на большой дорогѣ. Не пойди дождь, не видать бы тебѣ всѣхъ твоихъ обновокъ, да и не ѣсть бы намъ вкуснаго бирь-супа вмѣсто нашего сухаго хлѣба.

— Никогда не буду роптать, отецъ, какая бы бѣда не встрѣтилась въ жизни, отвѣтилъ мальчикъ, сіяя восторгомъ и осматривая себя въ новомъ платьѣ.

Около полудня пришли они въ небольшой городокъ, гдѣ Клармортъ сбывалъ свои деревянные издѣлья въ игрушечномъ магазинѣ, туда они и отправились къ великому удовольствію Готлиба, никогда не выдаваго такихъ сокровищъ, какія были разложены на большомъ прилавкѣ и на столахъ посреди магазина. Чего, чего тутъ не было: и лошадки, и коровы, и барабаны, и разные звѣри въ маленькихъ коробочкахъ, цѣлыя стада овецъ и барашковъ, а въ другихъ коробкахъ цѣлые полки маленькихъ солдатиковъ пѣшихъ и конныхъ, у Готлиба глаза разбѣжались, онъ стоялъ какъ вкопанный отъ восторга и удивленія, не смѣя ни до чего дотронуться. Наивный восторгъ ребенка забавлялъ купца; разставшись съ Клармортъ, онъ подарилъ мальчику нѣсколько мелкихъ игрушекъ, Готлибъ обрадовался имъ чуть ли не больше подарковъ доброй пасторши и со слезами радости благодарилъ купца.

— Вотъ счастливый денекъ выпалъ тебѣ на долю, говоритъ Клармортъ, выходя изъ магазина, а теперь пойдемъ на игрушечную фабрику, я покажу тебѣ какъ дѣлаются всѣ эти прекрасныя вещи, которыми тебя наградили.

Съ любопытствомъ смотрѣлъ Готлибъ какъ мелкія вещицы вытачивались на станкахъ движимыхъ паромъ. Еще болѣе интересовало его, какъ множество рабочихъ вырѣзывали ножомъ изъ дерева разнаго рода игрушки, а дѣти раскрашивали ихъ разными красками. Все это дѣлалось такъ быстро, что Готлибъ не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Дѣло мастера боится, сказалъ ему одинъ изъ рабочихъ, показывая какъ надо браться за вырѣзку маленькаго пастушка, пожилъ бы съ нами, и ты бы скоро научился рѣзать.

Слова эти глубоко запали въ душу Готлиба. Почуя въ бѣдной городской гостинницѣ, онъ долго не могъ уснуть отъ наплыва впечатлѣній.

— Сегодня я покажу тебѣ вблизи трудъ рудокоповъ, мы спустимся въ шахту, говорилъ Кларотъ, выходя къ нимъ по утру вмѣстѣ съ Готлибомъ и ты рѣшишь хочешь ли взяться за ремесло отца.

Погода стояла прекрасная. Они быстро дошли до долины, изъ которой спускались въ рудники. Долина была застроена цѣлымъ рядомъ шахтъ, надъ которыми возвышались деревянные домики съ висящими въ нихъ колоколами, безпрестанно звонившими. У каждого домика надъ отверстиемъ шахтъ стояло по два работника, которые посредствомъ ворота поднимали изъ шахтъ бочки наполненныя рудой, тутъ же опорожняли ихъ и снова опускали внизъ.

Наши путники поспѣли въ долину какъ разъ къ смѣнѣ одной партіи рабочихъ другою. Новая смѣна рудокоповъ вошла въ домикъ, уже одѣтая въ свои костюмы рудокоповъ, съ прикрѣпленными къ груди фонарями, они обнажили головы и прочли молитву. Смотритель, но не дядя Готлиба, также прочелъ вслухъ молитву, испрашивая благословеніе Божіе на всѣхъ этихъ людей, подвергавшихъ свою жизнь опасности. Затѣмъ всѣ направились къ сіяющей черной пасти шахты. Выходившая же оттуда партія на свѣтъ. Божій привѣтствовалъ спускавшуюся ей на смѣну словами: „да сохранить васъ Господь Богъ“.

Торжественность обстановки сильно подѣйствовала на воображеніе Готлиба, онъ съ сжатымъ отъ страха сердцемъ облекся въ принесенный ему костюмъ съ фонаремъ на груди, и вслѣдъ за Кларотомъ сталъ по лѣстницѣ съ широкими ступенями въ рудникъ.

Едва прошли они нѣсколько шаговъ, какъ дневной свѣтъ виднѣвшійся въ отверстіи колодца, началъ исчезать, при блѣдномъ свѣтѣ лампы. Черныя стѣны окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Внизу слышался шумъ, по мѣрѣ ихъ углубленія онъ становился слышнѣе.

— Готлибъ! крикнулъ Кларотъ, бывшій впереди, берегись, держись рукой за лѣстницу, стой тверже на ступеняхъ,

мы подходимъ къ гидравлической машинѣ. Отъ шума колесъ и отъ свиста, Готлибъ едва могъ слышать слова его. Множество длинныхъ жердей, столбовъ и досокъ въ постоянномъ движеніи производили адскій стукъ. Надобно было пройти среди этихъ аппаратовъ. Готлибъ со страхомъ подвигался впередъ. Миновавъ машины и слыша ихъ шумъ въ отдаленіи, онъ въ душѣ поблагодарилъ Бога. Дойдя до конца лѣстницы, они отдохнули немного. Направо и на лѣво тянулись галереи, а въ отдаленіи тамъ и сямъ виднѣлись блѣдные лучи свѣта.

— Ты испугался проходя мимо гидравлическихъ машинъ? спросилъ Кларотъ. Это не шутка. Одинъ 15-тилѣтній мальчикъ поплатился рукой за свою неосторожность. Колесо оторвало ему руку по самое плечо. А черезъ часъ онъ умеръ.

Слушая это Готлибъ дрожалъ съ головы до ногъ. Страхъ его увеличился, когда Кларотъ сталъ спускаться еще ниже. Онъ думалъ что дойдя до такой глубины нельзя идти дальше.

Съ нѣмецкаго.
Нирица.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 марта 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.